

ИЗ ИСТОРИИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ИЗ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ АКАДЕМИКА Л. В. ЩЕРБЫ

В архиве В. В. Виноградова есть рукопись — конспект лекций Л. В. Щербы «Русский синтаксис», читанных им (как указано в этой рукописи) в Российском Институте истории искусств (в Ленинграде) в 1924—25 учебном году¹. Конспект содержит 21 лекцию².

Законспектировано 19 лекций (под лекциями 11 и 12 записано: «Разбор „Капит. дочки“»). Составителя конспекта установить, к сожалению, не удалось.

«Центральная часть» этого курса, содержащая подробный анализ структуры синтагм, была опубликована в 1956 г. в конспективной записи С. Г. Бархударова³. Большая часть текста, опубликованного С. Г. Бархударовым (со слов: «Правила составления синтагм различны в зависимости от слова, лежащего в основе синтагмы»⁴), соответствует записям 13—21 лекций настоящего конспекта и по существу совпадает с ними (при незначительных и несущественных разночтениях). Поэтому воспроизводить данную часть конспекта здесь нецелесообразно. Что же касается начальной (до приведенных выше слов) части текста, опубликованного С. Г. Бархударовым, которая соответствует 1, 2, 3 и началу 4-й лекции, то, во-первых, текст ее менее полон, чем текст настоящего конспекта; во-вторых, в нем есть купюры, и подчас довольно существенные по объему и по содержанию. Поэтому представляется целесообразным воспроизвести запись указанных лекций. Это важно и для того, чтобы был ясен контекст освещения вопросов, затронутых в 4—10 лекциях.

Ознакомление с конспектом курса «Русский синтаксис» убеждает, что лекции законспектированы достаточно квалифицировано. Конспект с большой степенью точности воспроизводит идеи Л. В. Щербы, развивавшиеся им в середине 20-х годов. В «Русском синтаксисе» нашли отражение и те проблемы, над которыми крупнейший советский лингвист работал в 30—40-годы. В этом убеждает сопоставление конспекта с печатными трудами Л. В. Щербы, прежде всего с ближайшей по времени публикации статьей «О частях речи в русском языке» (сб. «Русская речь», Новая серия, II, Л., «Academia», 1928). В этой работе широко использованы материалы нескольких лекций конспекта (в основном 4, 5, 6, 7, 8, 9 и 10), причем изложение вопроса и подача иллюстративного материала в статье очень близки к публикуемому тексту (ср. стр. 88—93 настоящей публикации и текст статьи по изданию: Л. В. Щ е р б а, Избранные работы по русскому языку, М., 1957, особенно стр. 67—82).

Чрезвычайно интересно то место конспекта, в котором излагается вопрос о категории состояния. Ведь установление в системе русских знаменательных частей речи категории состояния как особой части речи является, по словам В. В. Виноградова, открытием Л. В. Щербы⁵. Здесь находим, пожалуй, одно из первых упоминаний Л. В. Щербы о данной части речи и наиболее раннее использование им самого термина.

¹ Д. Л. Щерба в статье «Лев Владимирович Щерба (1880—1944)» (сб. «Памяти академика Льва Владимировича Щербы (1880—1944)», Л., 1951, стр. 13) писал: «В Институте истории искусств Лев Владимирович состоял действительным членом по разряду словесных искусств и читал курсы общего языкознания и синтаксиса русского языка». В изданиях Института Л. В. Щерба выпустил три последних книжки «Русской речи».

² Д. Л. Щерба упоминает о наличии в архиве Л. В. Щербы «подробного, но не датированного конспекта курса синтаксиса, содержащего 21 лекцию», связывая этот факт с лекторской деятельностью Л. В. Щербы в Институте живого слова (Д. Л. Щ е р б а, указ. соч., стр. 16—17).

³ См.: С. Г. Б а р х у д а р о в, Л. В. Щерба о русском синтаксисе, «Академику Виктору Владимировичу Виноградову к его 60-летию. Сб. статей», М., 1956, стр. 60.

⁴ Там же, стр. 61.

⁵ В. В. В и н о г р а д о в, Синтаксические взгляды и наблюдения академика Л. В. Щербы, «Уч. зап. МГУ», 150, Русский язык, 1952, стр. 49.

Многие мысли и положения, содержащиеся в конспекте, получили то или иное отражение в книгах и статьях Л. В. Щербы. Это обстоятельство надежно ставит «Русский синтаксис» в контекст лингвистических воззрений академика Щербы.

Так, с одной стороны, в конспекте представлено развитие тезиса, сформулированного Л. В. Щербой в докладе «Формальное направление грамматики» на Петроградском съезде преподавателей родного языка и литературы (сентябрь 1921 г.): «С научной точки зрения формальное направление не выдерживает критики, так как формы могут быть вскрыты лишь при параллельном анализе их значений»⁶ — ср. раздел «Учение о частях речи» 4 лекции (стр. 87—88).

С другой стороны, в конспекте немало вопросов, которые получили в дальнейших трудах Л. В. Щербы или более полную и глубокую разработку, или развитие в ином направлении, в зависимости от конкретных задач исследования. К примеру, в 1 лекции по ходу изложения высказана интересная мысль о роли владения иностранными языками: «Говорящий на одном языке всегда находится во власти одних символов, знающий иностранные языки выходит из этого круга и приходит к языку как потребности выразить свою мысль» (стр. 86). В выступлении Л. В. Щербы на 1-м Всесоюзном тюркологическом съезде в 1926 г. эта мысль развивается в связи с вопросом о преподавании родного и русского языков в условиях двуязычия, сложившегося в советских национальных республиках, и в связи с проблемой общеобразовательного значения преподавания одного языка в сопоставлении с другим⁷. Развернуто и детально аналогичные идеи разрабатывает Л. В. Щерба и в книге, посвященной преподаванию иностранных языков в средней школе⁸.

Или вопрос о синтагме. Общеизвестно, что термин «синтагма» в качестве обозначения «простейшего синтаксического целого» Л. В. Щерба вводит в статье «О частях речи в русском языке» (1928). Публикуемый текст позволяет утверждать, что к этому термину, понимая под ним «отрезки (речи. — Ю. Б.), соответствующие самостоятельным элементарным представлениям» (стр. 87), Л. В. Щерба прибегает уже в 1924 г.

Разработкой учения о синтагме Л. В. Щерба занимается до конца своей деятельности⁹. В. В. Виноградов отмечал: «Наиболее полно и глубоко понятие синтагмы освещено в еще ненапечатанных докладах и рукописных статьях акад. Л. В. Щербы, относящихся к последнему периоду его жизни и деятельности... некоторые из предсмертных докладов Л. В. Щербы ставили своей непосредственной задачей раскрытие понятий синтагмы и предложения. Кроме того, учение о синтагме довольно подробно изложено Л. В. Щербой в набросках незаконченного введения в Академическую нормативную грамматику русского языка»¹⁰.

В «Русском синтаксисе» Л. В. Щерба ограничивается общим определением синтагмы, устанавливает соотношение между нею и большим словесным отрезком, сопровождаемым «ощущением известной законченности» — предложением, формулирует задачу синтаксиса — «изложить правила стройки синтагм» (стр. 87)¹¹ и дает подробный анализ структуры синтагм и правила их составления (лекции 13—18, по тексту записи С. Г. Бархударова — стр. 61—67).

Немаловажным представляется такой момент в настоящем конспекте лекций Л. В. Щербы, как проецирование вопросов русского синтаксиса в плоскость общих проблем языкознания и введения этих вопросов в контекст движения лингвистической мысли 20-х годов. Именно такой поворот конкретных лингвистических проблем характерен для исследовательского метода Л. В. Щербы.

Наконец, в конспекте лекций нашла отражение авторская манера Л. В. Щербы — «раскованное», свободное от догматизма и схем изложение обсуждаемых вопросов. Как отмечает Д. Л. Щерба, «Лев Владимирович был настоящим ученым-общественником. Оригинальные научные обобщения и тонкие наблюдения над фактами он излагал в простой форме, делал их доступными для широких кругов, занимаясь практическими и актуальными вопросами»¹².

Ю. Бельчиков

⁶ «Родной язык в школе», Книга 1-я (2), 1919—1922, М.— Пг., 1923, стр. 95.

⁷ Л. В. Щерба, Новейшие течения в методике преподавания родного языка, «Избр. работы по русскому языку», М., 1957, стр. 53—54.

⁸ См.: Л. В. Щерба, Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики, М.— Л., 1947, стр. 33, 42—47.

⁹ См.: Л. В. Щерба, Фонетика французского языка, М.— Л., 1937; е г о ж е, Очередные проблемы языковедения, ИАН ОЛЯ, 1945, 5; е г о ж е, Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики.

¹⁰ В. В. Виноградов, Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка, сб. «Вопросы синтаксиса современного русского языка», М., 1950, стр. 210.

¹¹ «Таким образом, мы не нуждаемся в учении о предложении. Мы имеем ряд синтагм, из которых одна является главной», — говорится в лекции 18. Ср. текст записи С. Г. Бархударова, стр. 68.

¹² Д. Л. Щерба, указ. соч., стр. 21.

ЛЕКЦИИ Л. В. ЩЕРБЫ ПО РУССКОМУ СИНТАКСИСУ

(Конспект лекций, читанных в Российском Институте Истории искусств
в 1924/25 учебном году)

Лекция 1. В истории науки мы наталкиваемся на три основных понимания задач синтаксиса. Одно изучает значение и употребление грамматических форм (главным образом) западные системы, например Миклошича¹. Другие стремятся к анализу предложения и его частей. Эклектический подход бессистемно соединяет факты первого и второго порядка.

Первый подход лингвистический. Он возник из практических нужд преподавания. Второй подход философский. Он начинается Аристотелем. [...] Он ведет к постановке вопроса в психологии — о суждении, в логике — о предложении. Оба односторонни и пропускают ряды явлений. Отсюда возникает тенденция к эклектическому объединению.

Для выяснения вопроса рассмотрим, что такое язык.

Язык есть некая система символов с их значениями. Формальная грамматика идет от символов к значениям. Это является и общим путем всего языкознания. В новейшем же языкознании мы видим попытку перевернуть вопрос: подойти от идеи к символу (см. например Брюно²). Здесь классифицируются категории мыслей, и это естественнее, так как мысль предшествует ее выражению. Человек создает новое понятие и ищет слов для его выражения. Видит человека летящего на машине и говорит: «летчик». Но с другой стороны, мы очень охотно формируем наши идеи по символам: слово часто властвует над нашей мыслью. Каждая мысль как бы сидит под колпачком слова, и движение мысли вперед есть борьба со словом.

Путь от формы к значению отражает действительное обычное положение вещей — норму, застой в языке, неиндивидуальное. Движение, эволюция обусловлена ассоциацией, обратно направленной: от мысли к слову. Говорящий на одном языке всегда находится во власти одних символов, знающий иностранные языки выходит из этого круга и приходит к языку, как потребности выразить свою мысль. Символы в языке выражаются различно. Самые простые — слова. Затем выражаются порядком слов, частью слова, ударением, связью с соседними словами (*А она его ... рукой.* Ясно, что пропущен глагол).

Значения. Мы различаем понятия самостоятельные и несамостоятельные, связанные с другими. (*Дом моего брата*). Между рядом идей и рядом символов отношения могут быть самые разнообразные. Но обязательно, чтобы простые идеи передавались простыми средствами и наоборот.

Лекция 2 и 3. Классифицируя синтаксические явления, мы можем подходить с точки зрения следующих единиц в языке: 1) слов, 2) предложений. Стоя на первой точке зрения, Рис³ предложил рассматривать учение о предложениях как частный случай учения о слове (словосочета-

¹ [Очевидно, имеется в виду прежде всего: Fr. Miklosich, *Vergleichende Syntax der slavischen Sprachen*, Wien, 1868—1874].

² [Имеется в виду, по всей вероятности, 13-томное сочинение Ф. Брюно «История французского языка» (F. Brunot, *Histoire de la langue française*), первый том которого вышел в Париже в 1896 г. См. также: F. Brunot, *La pensée et la langue*, Paris, 1922.— Ю. Б.]

³ [См.: J. Ries, *Was ist Syntax?*, Marburg, 1894 — Ю. Б.]

ние). Но, кроме описания символов и идей, в задачи науки о языке входит самостоятельная задача изучения ассоциаций между самими символами. Т[аким] обр[азом] образуются след[ующие] науки: 1) грамматика, изучающая способы образования слов; 2) обратный ход — понимание нами новообразованных слов — этим занимается этимология; 3) соотношение между словами и идеями изучает семантика; 4) синтаксис изучает правила расстановки слов, способы составления из отдельных слов целых иного порядка.

Понятие слова, как основа для изучения синтаксиса. Что такое слово — неясно. В опыте нам дано говорение. Постулатом понимания является система символов и их значений, существующая у нас в сознании. Т[аким] образом, мы должны различать недоступную нам, существующую лишь в сознании систему (*langue*) и доступное нам говорение (*parole*). Трудность определения слова в том, что слова есть только в системе, а не в речи. Речь разбивается на отрезки, соответствующие самостоятельным элементарным представлениям, называемые синтагмами. Символически отдельные предложения разграничиваются в произнесении паузами. Фактически эквивалентное впечатление создается и чисто интонационными средствами и т. п.

Слово есть кратчайшая синтагма, могущая быть произнесенной отдельно без изменения смысла. *Белый платок* — два слова. *Белый медведь* — одно. Даже предлоги и союзы могут быть синтагмами. Пример: *Вам с сахаром — Без.* В речи, кроме синтагм, мы находим бóльшие словесные отрезки, сопровождаемые ощущением известной законченности. Такие отрезки мы будем называть предложением. Ряд предложений образует более крупное целое — абзац, главу, выделяемую графически и интонационно.

Лекция 4. Слово является единицей в системе языка (как символ изв[естного] значения) и единицей в речи (как кратчайшая синтагма). Отсюда возникает возможность упорядочения слов в двух планах: 1) классификация по внешней форме; 2) классификация по смыслу.

Синтагмы и предложения в синтаксисе. У нас в сознании нет системы фраз: они случайны. Общий же словарь есть. Наряду с этим есть знание типичных способов построения из слов — синтагм и из синтагм — предложений. Это дано не в отвлеченных схемах, а в типовых фразах: по их типу строятся нами предложения. Задача синт[акси]са — изложить правила стройки синтагм.

Учение о частях речи до сих пор не имеет определенности и ясности. Обычное понимание частей речи классификационное: слова делятся на группы, которые и называют частями речи. Но принципум дивизионис при этом обычно произволен. Пешковский и Ушаков⁴ классифицируют одновременно и по смыслу: предметы, качества, действия, и по форме: склоняемые, изменяемые по родам, спрягаемые, и слова неизменяемые. Действительно, слово имеет и смысловую и символическую сто-

⁴ [См. прежде всего: А. М. Пешковский, *Русский синтаксис в научном освещении*. Популярный очерк, 2-е изд., М., 1920. Ср. в примечании Л. В. Щербы к статье «О частях речи в русском языке»: «Из новой литературы я более всего обязан книге Пешковского „Русский синтаксис в научном освещении“, которая является сокровищницей тончайших наблюдений над русским языком» (Л. В. Щерба, *Избр. работы по русскому языку*, М., 1957, стр. 63). Д. Ушаков, *Краткое введение в науку о языке*, 6-е изд., М. — Пг., 1923. Ср. в той же статье Л. В. Щербы: «Д. Н. Ушаков в своем отличном учебнике по языковедению прямо учит, что возможны две классификации слов — по значению и по формам» (стр. 64). — Ю. Б.]

рону, и эту связь нельзя упускать. Но непосредственное наблюдение над языком показывает, что, с одной стороны, различные лексические содержания подходят под одну и ту же формальную категорию, с другой стороны, одно и то же содержание может выражаться в различных формах и отношениях. В разных языках существуют разные общие лексические идеи. Европ[ейским] языкам свойственна, например, идея рода. В персидском языке ее нет. Идея среднего рода также вылилась в определенную форму не во всех языках. Мы должны заниматься не классификацией слов, а констатированием апперцепционных форм, известных общих модусов восприятия ряда конкретных содержаний. В языке имеется ряд общих категорий, но существование общей категории мы можем признать лишь тогда, когда она получила свой штамп, свое внешнее выражение.

Лекция 5. Внешние признаки категорий мы будем называть формальными. Изменяемость по падежам есть признак существительного и прилагательного. Изменяемость по лицам во многих языках — признак глагола. Артикул в европ[ейских] языках — признак существительного. Категория может определяться фразовым ударением (*Когда вы приехали.* Ударение на *когда* делает его наречием, при отсутствии ударения оно союз). Категория может определяться интонацией; есть, например специальная интонация сказуемости, также — порядком слов. Формальным признаком может быть и отношение соседних слов, например, *Быстрый ... пробежал.* Ясно, что пропущено существительное. В каждом случае категория может выражаться одним или несколькими признаками. Контрастирующие признаки подчеркивают категорию особенно отчетливо. Одно и то же слово может выступать в разных категориях (*Глухой* — существительное и прилагательное), *кругом* — наречие и предлог). Одно и то же лексическое значение мы можем одновременно подводить под разные лексические категории, так как мы классифицируем не слова, а разные точки зрения на эти слова. Например, в причастиях мы мыслим действие одновременно как некое качество. Некоторые слова мы не подводим ни под какие категории. Их условно можно назвать вводными (*даже, кажется, ведь*). Степень ясности категорий различна: есть случаи ясные, есть спутанные.

Междометия составляют особую категорию. Они — выразители эмоций. Познавательный элемент в них очень затуманен. Формальным признаком междометий служит их обособленность, отсутствие синтаксических связей. Примеры междометий: *Ай, ах, о, увы.* *Ах* — литературное междометие вторичного порядка, условное выражение придыхательного звука, являющегося непосредственным рефлексом. *Увы* — взято из церк[овно]слав[янского], куда оно попало из греческого. К междометиям следует отнести и такие слова, как: *Ура, боже мой, беда, черт побери*, так как все они являются выразителями эмоций. Разбирать *черт побери* как существительное и глагол значит впадать в ученую рефлексию и смешивать исторические планы. Но то же выражение, вступая в синтаксическую связь с другими, приобретает и некоторое реальное значение. Например, *Черт вас всех побери.* Так же выражение *увы мне* — уже не междометие. *Татьяна — ах, медведь за ней.* Здесь *ах* можно рассматривать либо как глагол (сокр. *ахнула*), либо, если оно в кавычках как вносное слово, разобщенное с другими, как междометие. Категория междометий — одна из самых неясных категорий. Есть ряд слов промежуточного типа, например: *наплевать, спасибо.* В них наряду с эмоциями есть и какое-то высказывание. Междометные особенности имеет и звательный падеж. Формально в русском языке он отсутствует, интонационно су-

ществует. Звательный падеж не вступает в синт[аксические] сочетания. Повелительное наклонение тоже имеет большой эмоциональный оттенок (*молчать, цыц, ни гу-гу*), но для признания таких выражений междометиями мы не имеем строго определенного формального признака.

Лекция 6. Мы различаем слова знаменательные и служебные. Знаменательные слова имеют самостоятельный смысл и могут распространять синтагмы. (*Я хожу, я хожу кругом*). Служебные слова выражают лишь отношения между предметами мысли. Второй признак: знаменательные слова могут иметь на себе фразовое ударение. Служебные не могут и получают его только по контрасту. (*Он не столько непорядочный, сколько беспорядочный*). Отнюдь не служит признаком служебных слов их неизменяемость.

Знаменательные слова. Существительное — слово, которое мы мыслим в категории предметности. Это не слово, обозначающее обязательно самый предмет, вещь, а категория субстанциональности. Сюда, например, относятся такие отвл[еченные] слова, как *белизна*. Существительное фиксирует комплексы признаков, которые по отношению друг к другу являются неподвижными. В языке штамуются, субстанционируются очень многие процессы. Например, *гроза* — процесс, а не субстанция. *Электричество* — тоже. Эта привычка субстанционировать, по всей вероятности, была источником как мифотворчества, так и философских заблуждений. Субстанциональность нам постоянно навязывается языком.

Существительное и его признаки. Признаки существительного, т. е. категории субстанции, следующие: 1) изменяемость по падежам, т. е. возможность различать действующее лицо при глаголе (им. п.), предмет, по отношению к которому совершается действие (дат. п.), орудие действия (твор. п.) и т. д. Падеж не есть обязат[ельный] признак существительного (*какаду, пальто*); 2) окончания; 3) словообразовательные суффиксы (*наркомпочтель* мы склонны относить к существительным типа *учитель*); 4) определение посредством прилагательного (в фразе *красивый какаду* — ясно, что *какаду* существительное); 5) определение глаголом в личной форме или связкой (*Телебри были несчастные* — ясно, что *телебри* — существительное).

Местоимения также относятся к категории существительных, так как они склоняются, при них глагол стоит в личной форме и т. д. *Кто-то приехал к нам. Кто-то* — существительное. Отсутствует только один признак существительных — определение при помощи предшествующего прилагательного (*Добрый я* — невозможно).

В индоевропейском языке категория местоимений была ярко формально выражена, что отразилось в особых склонениях. Это была категория субстрата. Но сейчас такой категории нет. Уже в то время целый ряд слов начал колебаться между именным и местоименным склонением. Только ограниченность количества и своеобразность функций делает из местоимений отдельную группу, но в пределах существительного.

В целом ряде случаев местоимения являются промежуточной формой между существительным и прилагательным: *Я этого не переношу, всякий это знает, я берусь каждого провести* — эти слова более прилагательные, чем существительные. В фразе же *я люблю все* — *все* существительное. *Я люблю все хорошее* — *все* — прилагательное, *хорошее* — существительное. Во французском языке существуют соотносительные существительные и прилагательные местоимения.

Местоимения — это группа, выделяемая по смыслу (личные, указательные, и т. д.), а не по форме.

Лекция 7. Категория имен существительных.

1. Собственные и нарицательные. Есть мнение, что это категории не лингвистические. Но это неправильно, так как собств[енные] имена отличаются тем, что не имеют множеств[енного] числа и, будучи поставлены во множеств[енном] числе, они обращаются в нарицательные (*Петров — Петровы*). Такие сущ[ествительные], как *солнце* — тоже [...] * входит ряд признаков, определяющих содержание. В собственных же именах указать сущ[ественных] признаков нельзя. Оно не более, чем этикетка. Когда в собственном имени какой-нибудь признак становится существенным и обязательным, то собственное имя становится нарицательным (*Плюшкин*).

2. Отвлеченные и конкретные. Формальный признак отвлеченных имен — отсутствие множественного числа, во множ[ественном] числе они конкретизируются.

3. Одушевленные и неодушевленные. Разница в форме вин. падежа: *И люблю язык, Привели языка*. Разница эта наблюдается не всегда.

4. Вещественные имена существительные. Формальный признак отсутствие множеств[енного] числа (*сахар, мед* и т. п.); *меды* — имеет смысл: разные сорта меда.

5. Собирательные. Такие слова, как *стая, полк, рота*, вопреки мнению школьной грамматики, не есть собирательные, так как в них не выражена идея множественности. Собирательные: *мужичье, офицерье, тряпье, студенчество, офицерство*. Суффикс *-ье* — конкретно-собирательный, суффикс *-ство* — отвлеченно-собират[ельный]. Раньше категория собирательных была настолько ощутимой, что требовала множ[ественного] числа в согласующихся словах (*Дружинишка хоробрая полегли костьми*).

6. Единичные. Примеры: *бисерина, жемчужина*. По контрасту с ними — *бисер, жемчуг* выступают почти как собирательные.

7. Категория родов. Мужской, женский, средний. Но категория рода не чисто формальная, а исторически условная. Иначе бы говорили: *моя папа*. Различение по родам очень древнее. Происхождение родов в точности неизвестно. Предполагают, что это следствие первобытного одушевления и персонифицирования вещей. Одушевленные награждались полом, неодушевленные оставались средними (ср. данные мифологии). Ополовление вещей сопровождалось расцветом творческой фантазии. Эта категория есть своеобразное раздувание эротизма, через обратное влияние языка на создавшую его психику.

К а т е г о р и я п р и л а г а т е л ь н ы х. 1. Основное значение этой категории — качество. Такие слова, как *отцовский, мамин* — тоже прилагательные: отношение мыслится как некое фиктивное качество. Формально прилагательность выражается в том, что данные слова относятся к существительным, что выражается согласованием. Признаком прил[агательных] является своеобразное склонение и изменение по степеням сравнения, причем последнее распространяется не на все прилагательные. Прилагат[ельные] имеют собственные словообразоват[ельные] суффиксы: *-ист-, -ован-, -ан-, -ян-*. Они распространяются наречием. В фразе *Очень ... человек* — мы можем подставить либо глагол, либо прилагательное. *Всякий, каждый* — это прилагательные. *Первый, второй, третий* и т. д. — прилагательные прежде всего. Это счетные прилагательные, выделившиеся в силу совместных повторений. Но идея порядковости не получила специфических средств выражения и потому не стала категорией.

* [Пропуск в рукописи. — Ю. Б.]

Некот[орые] ученые считают сравнительную степень не прилагательным], а наречием, но это неправильно, т[ак] к[ак] неизменяемость не есть только признак наречия. В церк[овно]славянском есть целый ряд неизменяемых прилагательных. Если сравнительная] степень относится к существительному — она прилагательное, если к глаголу — наречие (*Ваш рисунок лучше* — прилагательное; *Вы рисуете лучше* — наречие).

К а т е г о р и и п р и л а г а т е л ь н ы х: 1. П р и т я ж а т е л ь н ы е п р и л а г а т [е л ь н ы е]. Примеры: *мой, моя, папин, отцов, бабий*. Все они характеризуются общностью окончаний. Имен[ительный] падеж муж[ского] рода имеет краткое (нулевое) окончание. В косвенных падежах это категория разрушающаяся. *Отцов день. Отцовского дня*. Когда-то эта категория характеризовалась особым строем, но сейчас эти особенности отмирают.

2. К а ч е с т в е н н ы е и о т н о с и т е л ь н ы е п р и л а г а т [е л ь н ы е]. Качественные имеют степени сравнения, относительные] не имеют.

3. П р и ч а с т и я — имена прилагательные, имеющие глагольное значение.

4. Н а р е ч и я. Значение этой категории формальное, по смыслу это те же прилагательные, вся разница в том, что прилагательные] относ[аются] к существительному, наречия же — качества, которые мы открываем в глаголе или прилагательном. Такие наречия, как *сильно, легко*, в значительной степени есть только форма соответствующих прилагательных. Но наречия *очень, весьма* и т. п. не имеют прилагательных форм и они-то заставляют выделить категорию наречий.

В русском языке признаком наречий служит их относительная неизменяемость. Однако некоторые наречия могут изменяться по родам: *Я весь белый, я вся белая*.

Есть языки, в которых все наречия изменяются по родам.

В известных случаях наречия трудно отличить от существительных: *они живут за границей* — наречие, так как здесь произошел разрыв с реальным представлением границы. В фразе *за южной границей* — мы имеем существительное.

Лекция 8. С л о в а к о л и ч е с т в е н н ы е (ч и с л и т е л ь н ы е). Раньше их считали особой частью речи. Теперь формалисты-лингвисты считают их существительными, исходя из утверждения, что все склоняемое есть существительное. Но в количественных есть нечто специфическое: они от существительных отличаются связью: *Я управляюсь десятком солдат, но Я управляюсь десятью солдатами*. В прошлом кол[ичественные] числительные были существительн[ыми], отвлеченными от соответств[ующих] порядковых прилагательных. Произошло изменение конструкции — они перестали подчинять существительное и стали сами ему подчиняться. К количественным же относятся: *много, мало, нисколько, не сколько*. Их неправильно называют наречиями. *Тысяча* ощущается до сих пор как реальная единица, но отчетливости в определении категории нет. Говорят: *С тысячько солдат, но: тысячи солдатам*. *Миллион* раньше имел отчетливую субстанциональность — был не собирательной единицей, а существительным отвлеченным. Однако в молодом поколении это может измениться: миллион, как малая обиходная единица приобрел реальный счетный смысл.

К а т е г о р и я п р е д и к а т и в н ы х н а р е ч и й. Примеры: *нельзя, пора, жаль, можно, надо*. Это — признак или качество действия. С точки зрения значения они выражают состояние. *Я болен. Я болею*.

Я больной — одно и то же содержание выражается то в виде состояния, то в виде действия, то в виде качества.

В русск[ом] яз[ыке] нет настоящей резко оформленной категории состояния. Она не до конца осознана и не имеет общих средств выражения. Есть разные попытки ее выразить. Сюда можно отнести личные конструкции: *Он был навеселе, наготове, настороже, замужем, без чувств*. Предикативные наречия играют роль сказуемого со связкой.

Лекция 9. Г л а г о л ы. Обычное определение: глагол обозначает действие или состояние. Новейшее формальное определ[ение]: глагол — спрягающаяся часть речи. Старое определение было неправильным, так как классифицировало по смыслу конкретные слова. Неправильно и чисто формальное определ[ение]. Значение категории глаголов состоит в идее действия.

Краснеть — качество проявляется как действие. Формальный признак глагола — спряжение. Это не есть только изменения по лицам. Конкретно, надо считать все формы: причастие, инфинитив и т. п., в которых лексическое содержание выражено, как действие, — глаголами. Надо отвергнуть обычное утверждение, что инфинитив — это не глагол. Лицо — несущественный момент в глаголе. *Иду — идти* — формы одного и того же слова.

П р и ч а с т и е — глагол и одновременно прилагательное. Действие предмета представляется как его качество.

Д е е п р и ч а с т и е — глагол и наречие. Действие дано как признак или обстоятельство. Герундий (лат.) есть глагольная форма, так как требует вин. падежа. Такие слова, как *бах, трах, хват* — могут быть глагольной формой без глагольного окончания, выражаемой соседними словами.

Глагол *быть*. Сравним: *он был бедняк и он был в театре*. В первом случае нет и тени глагольности. Здесь *был* несет чисто логическую функцию приписывания известных признаков — оттенка же активности в нем нет. В данном случае это не глагол, а копула, связка. Во втором случае это настоящий глагол. Связка не глагол, несмотря на глагольные формы, она не обозначает действия. *Был* — вид несовершенный, совершенный *стал*. Здесь в связку внесена некоторая глагольность. *Сделался* — еще глагольнее. *Произошел* — еще более: это знаменательная связка. Лишено идеи глагольности только одно *быть* в несовершенном виде. Знаменательные же связки имеют одновременно две функции — глагольную и связочную. *Он лежал больной* — здесь *лежал* функционирует и как глагол, и как связка: *он лежал и он есть больной*.

Очень большое количество наших высказываний состоит из субъекта, предиката и соединяющей связки. Обычное двучленное сочетание: *есть кто-то* (субъект, которому приписывается нечто). В глагольных предложениях этого нет. *Он гуляет*. Этот *он* недифференцирован. Глагол от него неотделим, действие со своим лицом составляет одно целое.

Из отличия связки глагола вытекает деление речи на 1) класс глагольных высказываний одночленных и 2) класс высказываний со связкой, которые по самому существу своему двучленны. Фраза номинальная и фраза вербальная. Первая является расчленением действительности, установлением логической связи, деятельностью отвлеченного ума, в основе второй, глагольной, фразы лежит интуитивное мышление.

Б е з л и ч н а я ф о р м а г л а г о л о в. Возьмем две фразы: *Голова ребенка темнеет и уже темнеет*. Первая — личная конструкция. Вторая — безличная. Во второй дано вовсе не третье лицо, а только форма третьего лица. Глагол при этом остается глаголом, хотя отсутствие лица

при действии ослабляет идею действия. Категория безличности граничит с категорией состояния (т. е. с такими выражениями, как *холодно, темно, морозит*). Возможно, что все безличные обороты ведут начало от личных. Собственно безличные обороты чаще всего относятся к явлениям природы.

Стилистические функции безл[ичных] оборотов: ср. *Здесь курить воспрещают* и *здесь курить запрещается*. Безличный оборот создает впечатление независимости действия от воли какого бы то ни было лица. Наше восприятие заинтересовано, когда есть некоторая неопределенность, а это дается безличным оборотом. Вот почему в нек[оторые] эпохи им так охотно пользуется поэзия.

К а т е г о р и я в о п р о с и т е л ь н ы х с л о в. Эта категория не самостоятельная, а существующая в связи с другими категориями. *Кто — что* — вопр[осительные] существительные. *Где — когда* — вопр[осительные] прилагат[ельные]. Эти слова объединяются присутствием сильного фразового ударения.

Лекция 10. К а т е г о р и я с л о в с л у ж е б н ы х. Здесь нет такой ясности, как в словах знаменательных.

1. С в я з к а. Связку необходимо отличать от глагола. Связка выражает чисто логическую связь между понятиями. Чистая связка только глагол *быть*. Знаменательные связки — это глаголы, служащие связкой. *Дети — это наше будущее*. Здесь слово *это* несет функцию связки.

2. П р е д л о г и. Предлоги — частицы или слова, которые соединяют два слова или две группы слов в одну синтагму и устанавливают отношения между определяющим и определяемым. Например, *Мел для писания* — определяемое, предлог, определяющее. С формальной точки зрения предлоги управляют падежами. Предлоги: *внутри, кругом, наверху, наподобие, в течение, вследствие*. *Тому назад* приближается к предлогу. Если посмотреть не этимологически, а с точки зрения значения, то под понятие предлога подойдут такие слова, как *чтобы, с целью, как*. Например, *Я пришел, чтобы поест*; *Меня одевали, как куколку (как — наподобие)*. Здесь *как* падежом не управляет, но по значению это предлог.

3. С о ю з ы — частицы, соединяющие слова или группы слов на равных правах в одно целое — в синтагмы или группы высшего порядка. Союзы распадаются на: 1) соединительные союзы: *и — да — или*: *Иван-да-Марья*; *Я хотел взять учителя или учительницу к своим детям*. *И* заменяется *с*: *Брат и сестра — Брат с сестрой*; 2) противительные союзы (объединяющие по контрасту): *а, но, да*. *Я ем вилкой, а не ножом*; 3) обе группы могут нести и функцию разъединительную, в зависимости от интонации. *Я трепещу и прокливаю, И мачта гнется и скрипит*. Союзы в разъединительной функции называются присоединительными, а при перечислении уединительными: *И плац, и стрела, и лукавый кинжал*. Это третья группа союзов; 4) особая группа — союзы разъединяющие, но связывающие в цепи при перечислении. Они называются слитными. *И — и — и. Или — или — или*. При интонации бесконечного (неизвестного) ряда мы имеем открытые сочетания: *У меня есть Пушкин, и Байрон, и Диккенс ...* При интонации конечного ряда известных предметов мы имеем закрытые сочетания. Слитные сочетания могут образовываться и без союзов — одной лишь интонацией перечисления. Наконец, слитные сочетания могут образовываться путем бессоюзного сочетания с соедин[ительным] союзом перед последн[им] членом: *К нам пришли отец, мать и сестра*.

4. О т н о с и т е л ь н ы е с л о в а — слова, создающие отношение определяющего к определяемому, но не между отдельными словами,

а между синтагмами. Их обыкновенно называют подчинительными союзами. *Я приехал, когда было темно; Я нашел книгу, которую я считал пропавшей.* Относительная функция этих слов может контаминировать со знаменательной. *Гуляю с кем хочу, с кем* — относит[ельное] слово и сущ[ествитель]ное. Формальный признак относительных слов — отсутствие фразового ударения.

Лекции 11 и 12. Разбор текста «Капит[анской] дочки» [Пушкина]⁵.

⁵ [В. В. Виноградов подчеркивал: «В качестве иллюстрации (членения речи на синтагмы.— Ю. Б.) Л. В. Щерба обычно прибегал к синтаксическому анализу первых строк „Капитанской дочки“ Пушкина и показывал, как тесно связано разнообразное членение текста на синтагмы с осмыслением этого текста» (В. В. В и н о г р а д о в, Синтаксические взгляды и наблюдения академика Л. В. Щербы, стр. 60). Ср. также свидетельство Д. Л. Щербы: «В университете он (Л. В. Щерба.— Ю. Б.) в течение ряда лет толкует произведения Пушкина: „Медный всадник“ и „Капитанская дочка“, мелкие стихотворения (Д. Л. Щ е р б а, указ. соч., стр. 43).— Ю. Б.]